Составитель Голиб Саидов

Бухарские миражи

Сборник статей и эссе

Коллектив авторов
Голиб Саидов

Бухарские миражи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18010144
ISBN 978-5-4474-6470-7

Аннотация

Данная книга – это своего рода сборник статей не только самого автора-составителя, но и отдельные отрывки из книг и воспоминаний таких писателей и творческих личностей, как С. Айни, И. Губерман, А. Муртазаев, О. Сухарева, а также знатоков и специалистов по истории родного края: Б. Курбанова, Р. Хусаиновой, Е. Некрасовой, Ю. Шарипова, А. Хасанова, С. Салима. Словом, это квинтэссенция мировосприятия автора, которая неразрывна с одним из самых древних культурных центров Востока – Бухарой.

Содержание

Предисловие 5
Вступление 6
Пролог 9
Глава 1 – Биографии замечательных людей 12
Қози Мирзо Муҳаммад-Шариф (Садри Зиё) 14
Юренев Сергей Николаевич (1896—1975) 24
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Бухарские миражи
Сборник статей и эссе

© Голиб Саидов, фотографии, 2016

Составитель Голиб Саидов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бухара, 2006 г.

Предисловие

К какому жанру можно отнести очередной опус? Справочник, путеводитель, мемуары, эссе? Вряд ли. Правильнее, все-таки, этот сборник можно было бы назвать «Записками бухарца», навеянными личностным восприятием окружающего мира и пропущенными через сердце. Основная мысль – путём сопоставления прошлого и настоящего, попытаться обратить внимание на незыблемость и постоянство тех непреходящих духовных ценностей, что проповедовались лучшими умами человечества. Чтобы, наконец-то, повернуться лицом к самому себе и задать самый главный вопрос в этой жизни: «А для чего, собственно, я живу на этом свете? Какова моя роль? В чем заключается моя миссия и как мне прожить так, чтобы по завершению жизненного пути меня не терзали совесть, душевные муки и сомнения…

«Ну вот, – подумалось мне, – опять вышло пафосно и слишком нравоучительно».

Впрочем, лучше отложить это бесполезное занятие и постараться во всем положиться на Того, кто заставил меня собрать разрозненные мысли, заговорить и написать об этом, ибо, как верно подмечено мудрыми людьми: «Человек предполагает, а Бог – располагает».

А потому, делайте выводы сами. И если в какой-нибудь момент, хоть один только единственный раз вы почувствуете, что в вашей душе или в вашем сердце что-то такое шевельнулось, что заставило вас по-новому взглянуть на себя со стороны, то поверьте, я буду счастлив.

Вступление

«Не ищите напрасно той Бухары, о которой так живописно и красочно поведал нам некогда Л. Соловьёв в своей замечательной книге «Повесть о ходже Насреддине».

Не тратьте зря своё время, расспрашивая стариков про названия кварталов, которые так подробно и добросовестно описала в середине XX-го века в своей монографии известный востоковед О. Сухарева.

Не пытайтесь искать благообразных седобородых старцев, учеников и потомков суфийских шейхов, обследуя окрестности комплекса Бахауддина Накшбанди, расположенного к югу от Бухары.

Прекратите нарушать покой усопших на кладбище Имама Абухавси Кабир, тщетно надеясь среди скромных могил и надгробий повстречать каландара или дервиша с деревянным посохом и отличительной остроконечной шапкой на голове.

Не стоит зря закидывать свою голову кверху, в надежде увидеть белого аиста, гордо восседающего в своём высоком гнезде, сооружённом на верхушке пятисотлетнего тутового дерева, расположенного у Ляби-Хауза, на вершине минарета Калян или кобальтовых куполах мечети Мир-и-Араб. Последний аист покинул некогда Благородную Бухару в конце 70-х годов прошлого века.

Все это бесполезно. Бухара уже давно умерла. Окончательно и бесповоротно. И не нужно тешить себя былым величием некогда славной цивилизации, миражами, надеждами на несбыточные мечты и строить иллюзии».

Вот такую, или приблизительно такую неутешительную и суровую оценку дал нынешнему состоянию Бухары один из моих близких приятелей – знаток, специалист и признанный авторитет в области краеведения и истории среднеазиатских народов. И как мне ни больно слышать такую характеристику, как бы я ни старался найти и поставить в противовес альтернативную и оптимистически выдержанную картину, всё же, во многом, если исходить из объективных реалий, сложившихся к сегодняшнему дню, я вынужден был согласиться с его утверждением.

И действительно: как в сегодняшней Одессе непросто найти настоящего одессита, как в Петербурге – отыскать настоящую питерскую семью – достаточно сложная задача, так и в самой Бухаре не так то просто найти с десяток-другой настоящих бухарских семей, бережно сохраняющих и передающих своим детям культурное наследие и традиции, которые и составляли в своё время славу и величие некогда Благородной Бухары.

«Лицом к лицу лица не увидать,
– Большое видится на расстоянии…»

И – как мне самому пришлось убедиться – сказанное великим поэтом очень верно: только очутившись в 1984 году в России и прожив почти четверть века в Ленинграде-Петербурге, я стал с годами нежнее относится ко всему тому, что связано с Бухарой. К памятникам старины, на которые смотрел некогда сквозь пальцы, настолько привыкнув к ним, что почти не замечал их. Гуляя сегодня вдоль набережной Невы и любуясь прекрасной панорамой города, я ловлю себя на мысли, что, наверное, точно также и питерцы, в тысячный раз проходящие через Александровский сад и не обращающие внимания на примелькавшийся памятник «Медному всаднику» и далее – на величественный Исаакиевский собор, тоже не отдают себе отчёта в том, что живут рядом с «живой историей», которой так будет недоставать, случись им надолго покинуть родной город.

И хоть мне трудно не согласиться с моим товарищем в его оценке, даваемой сегодняшней Бухаре, что-то меня все-таки удерживает полностью разделить столь пессимистический взгляд. Потому, что не всегда внешние видимые процессы отражают истинное состояние того или иного города или региона. Мне кажется, что настоящую оценку можно дать лишь со временем, лет через пятьдесят-сто, не раньше. Вот почему я с тревогой, надеждой и со слабым оптимизмом смотрю в будущее Бухары. Вот почему я решил поделиться с вами тем, что имею в своём скудном хурджине-мешке, чтобы и вы со мной улыбнулись, порадовались или взгрустнули о том, что собираюсь вам поведать.

И пусть, приехав в Бухару и пройдя по улочкам старого города вы не найдёте того, чего ожидали увидеть. Не нужно разочаровываться. И не усматривайте в этом моей вины. Поверьте, всё, о чем я расскажу вам ниже, всё это есть и никуда не исчезало. Только не для всех Бухара готова раскрыть свои тайны и прелести. Потому что она не терпит высокомерия и хвастовства, гордыни и самодовольства, тщеславия и снобизма. Покоритесь и самоуничтожьтесь, покайтесь и припадите низко к её стопам. Так низко, чтобы смешаться со священной пылью грязных дорог и раствориться в безвестности. Чтобы не осталось ни капли своего эго, своего «я». И быть может тогда она позволит вам лишь немножко, приоткрыть завесу истинности и святости, оберегающей многие тысячелетия и дающей полное право именоваться Бухоро-и-Шариф, то есть «Благородная Бухара».

И если вам повезёт, очень возможно, что вы познакомитесь с настоящей бухарской семьёй, отличающейся не только своим гостеприимством, щедростью и открытостью, но и самыми главными качествами истинных бухарцев – скромностью, деликатностью и своеобразным оригинальным юмором.

И тогда вы не только увидите настоящую Бухару, но и полюбите её всем сердцем, потому, что она умеет быть благодарной и хранить верность и дружбу долгие века. Оставляя взамен вам Надежду. Надежду на новую встречу, надежду на новые свершения, надежду на лучшую и достойную человека жизнь. Ведь надежда всегда умирает последней.

Мечеть Боло-хауз. Фото автора.

Пролог

«Вкушая, вкусих мало мёду
И се аз умираю…»
(Библия, I Книга царств, XIV, 43)

Последние минуты перед приземлением показались мне вечностью. Самолёт то бросало вверх, то внезапно кидало вниз, то резко кренило на бок. Отрывисто вздрагивая своими длинными и, казалось, слишком хрупкими крыльями, которые в любую секунду готовы были треснуть и обломиться, он шёл на посадку, совершая замысловатые и нескончаемые повороты, ужасающе кренясь и заставляя трепетать несчастное сердце в едва живом теле.

Наконец, я почувствовал, как колеса-шасси вздрогнули, коснувшись земли, и самолёт, превратившись уже из «птицы» в мощный и ревущий автомобиль, понёсся по бетонной полосе бухарского аэропорта, бешено отсчитывая последние метры, под восторженный всплеск аплодисментов, вырвавшихся из недр пассажирского салона.

– А зачем они хлопают? – изумился мой сын, кивая на довольных пассажиров.

– Благодарят экипаж самолёта за удачный полет и посадку – почти не задумываясь ответил я.

– А если она будет неудачной?

– Тогда хлопать будет некому – грустно вывел я заключение…

Я жутко боюсь высоты и самолётов. И в то же время меня изумляет и восхищает – как, такая тяжёлая железная махина может свободно парить в воздухе. Сразу вспоминается рассказ В. Шукшина «Верую», в котором невозможно без улыбки слушать рассуждения одного из его персонажей:

> – Ты самолётом летал? – спросил поп.
>
> – Летал. Много раз.
>
> – А я летел вот сюда первый раз. Грандиозно! Когда я садился в него, я думал: если этот летающий барак навернётся, значит, так надо. Жалеть и трусить не буду. Прекрасно чувствовал себя всю дорогу! А когда он меня оторвал от земли и понёс, я даже его погладил по боку – молодец. В самолёт верую…

Только очутившись в салоне самолёта и находясь на высоте десять тысяч метров над землёй, я наконец-то явственно ощутил – насколько беспомощен и жалок человек, находящийся под властью неких высших сил и насколько он не в состоянии никак изменить не только текущего положения дел, но даже хоть как-то повлиять на свою собственную судьбу, защитить её, надёжно обезопасить себя. Каждую секунду в голове прокручиваются различные варианты сценариев дальнейшего хода развития событий, естественно, – с самым мрачным финалом. Мозг постоянно находится в напряжении и это сильно утомляет и подтачивает нервную систему. Я всё это прекрасно понимаю. И в то же время, ничего с собой поделать не могу.

А вокруг сидят «беспечные» люди и едят, пьют, смеются, словно их это абсолютно не касается. Будто они находятся не в воздухе, а на земле. Впрочем, если крепко задуматься, то ещё неизвестно, где лучше с точки зрения безопасности – в воздухе или на земле? К примеру, одного из персонажей нашей истории не спас даже самый надёжный бункер, когда пришлось расплачиваться по «гамбургскому счету».

Почему-то вспомнилась притча из Евангелия от Луки (гл.12, ст.16 – 21):

16. И сказал им притчу: у одного богатого человека был хороший урожай в поле;

17. и он рассуждал сам с собою: что мне делать? некуда мне собрать плодов моих.

18. И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро мое,

19. и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись.

20. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?

21. Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет.

Все это наводит на мрачные мысли о бренности нашего бытия, о тщетной суетности человека и располагает к философским размышлениям.

А мир, тем временем, разделился на враждебные друг другу блоки, альянсы и группировки и враждует между собой: по национальным, конфессиональным, расовым, социальным и иным признакам. Но самое поразительное – народ с «пониманием» относится к принимаемым наверху решениям. Смешно и одновременно грустно.

Ещё грустнее осознавать свою беспомощность, когда речь заходит об Азии, её среднеазиатском регионе и о странах, образовавшихся на бывшем постсоветском пространстве. Стереотипы, сложившиеся относительно истории народов, заселяющих территорию современной Средней Азии, выглядят и вовсе удручающе.

Безграмотность, ещё простительная для обычного обывателя, чуть ли не поголовно охватила в после «перестроечное» время и всю журналистскую братию, пишущую на данную тему. Пишут все, кому не лень, причём настолько безответственно, что просто диву даёшься!

Взять, хотя бы, такую проблему, как противопоставление одной нации другой. По моему глубокому убеждению такой проблемы не существовало ранее. Она могла возникнуть только на политической почве, когда законные правительства были свергнуты и на смену им пришла ленинская гвардия, с её идеологической составляющей. Соответственно, с вытекающим отсюда решением «о национальном размежевании…» и последующей за этим политической чехардой, закончившейся в истинно большевистском духе – гонениями, репрессиями и расстрелами лучшей части народа.

Я рос и воспитывался в обыкновенной бухарской семье, а это означает, что начиная с колыбели, мог слушать исключительно таджикскую речь. Потом, уже став немного старше, также органично в наш дом вошли и остальные языки: русский, узбекский, татарский, еврейский. Потому, что наш 16-ти квартирный дом напоминал собою настоящий Вавилон: в этом «котле варилось» более десятка национальностей.

С детских лет, сколько я ни старался, осилить узбекский язык, мне этого не удалось, о чем я теперь искренне сожалею. По «родному» языку (читай – узбекскому Г. С.) у меня стояла незаслуженно завышенная учителем «тройка»

А ведь, узбеки и таджики несколько столетий жили сообща, не делая никаких различий по этническому принципу. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно было заглянуть в любой из кварталов Бухары. Да что там – кварталы? На нашей лестничной площадке, состоящей из трёх квартир, жили арабы, узбеки и таджики.

Помню, как я доставал мучившими меня вопросами отца. Он неизменно хмурился, заслонялся от меня газетой и говорил мне, чтобы я поменьше задавал «ненужных» вопросов, а лучше шёл бы, учить свои уроки.

Один урок я выучил на всю жизнь: политика – это грязь, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сегодня мне искренне жаль оба несчастных народа, которые на протяжении всей истории мирно сожительствовали рядом и «варились в общем котле», дополняя друг друга своими лучшими качествами, пока на арену мировой истории не выскочили безответственные политики и волна оголтелого национализма и шовинизма не захлестнула этот несчастный регион.

Теперь, одни «интеллектуалы» плачут, что у них отняли Бухару и Самарканд, другие же – вынуждены изворачиваться и придумывать всякого рода легенды, притягивая факты «за уши», чтобы хоть как-то оправдаться в глазах не предвзятого историка. У итальянцев есть в ходу неплохая поговорка: «Время – самый честный человек». Что ж, к сказанному добавить нечего.

Мне думается, что это слишком деликатная тема и, следовательно, подходить к ней необходимо со всей осторожностью, поскольку малейшая неточность в интерпретации каких-либо фактов, с вытекающими из этого последствиями, пойдёт не во благо общему делу двух народов, а наоборот – лишь, будет «лить воду на мельницу» всякого рода экстремистам, фанатично настроенным элементам и некоторым политикам, которые ради достижения своих узких интересов, готовы наплевательски отнестись к судьбе собственного народа. А несчастный народ и без того уже настрадался за последние десятилетия и достоин лучшей участи.

Оставим, однако, политику в покое. Тем более, что я призываю вас к совсем другому: давайте вместе пройдёмся по старым улочкам древнего города и поразмышляем о вечном, едином, нерушимом; одним словом, над тем, что объединяет каждого из нас, независимо от расовых, национальных, конфессиональных и иных различий.

Глава 1 – Биографии замечательных людей

Вход в историю. Фото автора.

Памяти коснеющей не верьте,
Хлопающий ставень на ветру.
Кто-то сбросил с минарета Смерти
Расточительную Бухару.

И лежит распластанное тело;
Каждый может подойти и пнуть.
Море шёлковое отшумело,
Грязной тряпкою прикрыта грудь.

Побеждённых бросили на плаху,
Разогнали в тёмные углы…
Только аисты поют Аллаху
С минаретов звонкие хвалы…

Николай Иванович Леонов

Эта глава посвящена тем уникальным личностям, чьи имена и чья судьба так или иначе неразрывно были связаны с Бухарой, являя собою неотъемлемую частицу украшения этого богатого своей тысячелетней историей города. Биографии этих людей только подчёркивают и дополняют тот список эпитетов, которыми издревле была наделена Бухара.

Природа, благосклонная к неординарным личностям, наделила их качествами, благодаря которым они сумели не только преодолеть и выстоять, наперекор всем трудностям,

выпавшим на их долю, но своей собственной биографией явили пример превосходства стойкости духа над тупой тиранией, бесправием и беззаконием. Какие же это качества? В первую очередь, благородство и широта души, сердечное обаяние и естественность в поведении. Это глубокая порядочность, которая сегодня является большой редкостью, и разносторонние познания в различных областях, а также широкая эрудиция, позволяющая совершенно спокойно и непринуждённо вести диспут на любые темы и умение аргументированно отстаивать свои взгляды по тем или иным животрепещущим темам, волнующим человечество.

Наконец, это нелёгкая, полная приключений и драматизма судьба, не сломившая, однако, цельности натуры, а наоборот, только лишь укрепившая веру в торжество общечеловеческих ценностей и идеалов и позволившая, пройдя через многочисленные невзгоды и лишения, не загрубеть и ожесточиться сердцу, а наполнить его теплотой, участием и заботой об окружающих, умением прощать и быть более снисходительным к человеческим слабостям, оставаясь в то же самое время предельно требовательным к себе.

Конечно же, я вполне допускаю, что таких биографий на протяжении всей истории Бухары было достаточно великое множество и далеко не все они дошли до наших времён или остались в памяти потомков. Мне сложно объяснить, исходя из каких критериев я подбирал кандидатов, которые должны быть представлены в данной главе. А потому, не особо вдаваясь и углубляясь в детали, я всего лишь прошу снисхождения со стороны читателя. Ну, а насколько удачно вышла эта подборка судить, увы, не мне.

Қози Мирзо Муҳаммад-Шариф (Садри Зиё)

Садри Зиё

Биографическая справка:

Место не известно, скорее всего Бухара. Надпись слева по-арабски: /Это фотография несравненного Прибежища Шариата, обладающего достоинством садра, судьи Мирзы Муҳаммад-Шарифа Садра/, справа по-таджикски /**Қ**ози Мирзо Муҳаммад-Шарифи Садр/

Бухарский судья Муҳаммад-Шариф Садр-и Зийа (1867—1932) принадлежал к элитарному кругу бухарских интеллектуалов – чиновников, богословов, поэтов и писателей. Он происходил из семьи Абд ал-Шукура Айата, шариатского судьи, который в течение многих лет занимал высшие юридические посты в Бухарском эмирате и, в частности, пост Верховного судьи. Да и сам Садр-и Зийа на протяжении жизни занимал наиболее престижные посты шариатского судьи в различных провинциях Бухарского эмирата.

Благополучно сложилась и его так сказать академическая карьера – ещё в 1912 г. он был почтен титулом садр, высшим отличием для мусульманских учёных в эмирате. Садр-и Зийа

занимался литературным трудом и искусствами, был известным прозаиком и каллиграфом. Писал он также и стихи.

Его дом в Бухаре был своего рода «литературным салоном», в котором регулярно собирались бухарские литераторы. Некоторые из них, как, например, Садр ад-Дин Айни и Абд ал-Ваҳид Мунзим, были учениками и младшими товарищами Садр-и Зийа.

С точки зрения политической ориентации Садр-и Зийа принадлежал к умеренным сторонникам реформ. Себя к джадидам он не причислял, но поддерживал с их лидерами близкие дружеские отношения. Более того, он участвовал в некоторых их предприятиях, например, финансируя новометодные школы. Он был убеждённым конституционным монархистом и сторонником независимости Бухары. Не разделял он и ставшего модным среди джадидов в те времена атеизма.

Весной 1917 г., после Февральской революции, он несколько недель был Верховным судьёй эмирата в новом либеральном правительстве Бухары. В административной системе эмирата это была вторая по значимости должность после қушбеги, премьер-министра. Однако под давлением консервативных сил внутри эмирата, Садр-и Зийа был отправлен в отставку, а после февраля 1918 г. арестован за близость к джадидам и чуть было не казнён.

После революции 1920 г. он не принимал активного участия в политической жизни. Некоторое время он работал в Министерстве вакуфных земель, в библиотеке. С присоединением Бухары к СССР он уходит на пенсию.

В 1932 г. Садр-и Зийа был арестован и заключён в медресе Муҳаммад-Шариф, использовавшейся тогда как тюрьма. В заключении он заболел и в апреле 1932 г. скончался.

«Осколки» старой Бухары.

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ САДРИДДИНА АЙНИ «БУХАРА»

ШАРИФДЖАН-МАХДУМ И ЕГО СОБЕСЕДНИКИ

Шарифджан-махдум был вторым сыном дамуллы Абдушукура, верховного казия эмирской Бухары.

Отец Абдушукура и все его братья были отбельщиками, белильщиками тканей, да и сам Абдушукур в юности учился у них этому делу, хотя позже занял высшую должность при эмире.

Шарифджан был высок, белолиц; у него были круглые, словно овечьи, глаза и густая каштановая борода. Ему исполнилось двадцать семь лет. Никто из мулл Бухары не мог сравниться с ним красотой почерка, образованием, кругозором, глубиной понимания стихов.

Обычно дети высокопоставленных бухарских мулл, чванясь богатством и могуществом своих отцов, учились мало и небрежно, воспитывались плохо, вырастали бездельниками, гуляками и развратниками. Это не мешало им, пользуясь именами своих отцов,.получать высокие чины, доходные должности и все свои проступки и промахи покрывать отцовскими заслугами. О таких махдумах бухарские остряки сложили много издевательских анекдотов и эпиграмм. Например:

Махдум из двухсот голов сахара сварен.
Знатоки, отведав, сказали: «Бездарен».

Или

При сотворении мира бог всесильный
Махдума сотворил из пены мыльной.

Среди таких знатных махдумов мало встречалось сколько-нибудь образованных людей. Нетрудно себе представить, какой редкостью среди них был Шарифджан-махдум.

Три раза в неделю, накануне дней, свободных от занятий в медресе, вечерами по вторникам, средам и четвергам в доме Шарифджана бывали поэты, знатоки и любители поэзии, искусные рассказчики анекдотов и различных историй, а иногда – певцы или учёные. Вместе с Абдулвахидом я прислуживал им и слушал их беседы и рассказы. Эти вечера стали для меня большой литературной школой, здесь завязались мои знакомства со многими поэтами того времени.

Я расскажу о некоторых из них.

Абдулмаджид Зуфунун был учеником Ахмада Дониша. Он был астрологом, но занимался поэзией, историей литературы, хорошо усвоил все те знания, которыми смог овладеть в схоластических бухарских медресе. Был он сведущ также в теории и практике нашей средневековой медицины. За его глубокие знания в разных науках он был прозван Зуфунуном, что означает «обладатель знаний».

Под влиянием Ахмада Дониша Зуфунун относился критически к бухарским нравам и особенно к эмиру и эмирскому двору, придворным и лжеучёным Бухары. Когда находились слушатели, он резко высказывал им всё о корыстолюбивых и бесчестных поступках этих высокопоставленных лиц.

Но многое в поступках и внешности Абдулмаджида напоминало сумасшедшего. Постоянно он засовывал руку себе под рубашку, высовывал её из ворота и чесал бороду или нос. Иногда же, с силой выдёргивал волосы из бороды или усов. Если случалось встретить его на улице, я всегда видел его в одиночестве – он любил ходить один; насупив брови, глядя себе под ноги, он задумчиво проходил, никого не замечая.

В погожие дни он приходил на берег водоёма Диванбеги, любимое место прогулок бухарцев того времени. Он садился на краю низенькой крыши одной из небольших парикмахерских и, пощипывая бороду высунутой из ворота рукой, поглядывал на гуляющих. Когда мимо проходил приятный ему человек, он подзывал его, сажал рядом с собой, разговаривал с ним. Когда ему казалось, что интересная тема исчерпана, он заявлял собеседнику:

– Ладно. Ступайте! До свидания.

Без приглашения никто не решался подойти к нему. Его тёмное лицо, заросшее всклокоченной седой бородой, с гневным, огнемечущим взглядом из-под хмурых, густых бровей наводило на людей страх.

В дом Шарифджан-махдума он приходил редко и только днём. Если у хозяина оказывался гость, не интересный для Абдулмаджида, он, не здороваясь, смотрел на него некоторое время, словно приглядываясь к человеку, а затем так же молча уходил. Когда же гость или разговор его интересовали, он принимал участие в разговоре, особенно если речь шла об учёных или об эмирских придворных.

Шарифджан говорил о нем:

– Он разыгрывает из себя сумасшедшего. А нам известно, что это выдающийся учёный, очень знающий, очень глубокий. Но он не хочет, чтобы эмир затребовал его для каких-либо государственных дел, и прикидывается безумцем, лишь бы жить независимо.

Яхья-ходжа внешностью и поведением был своего рода двойником Абдулмаджида Зуфунуна. Он тоже представлялся сумасшедшим, но его «безумие» было шумливым и буйным. Тех, кто ему не нравился, он поносил, обрушивая на них потоки сквернословия. Высокопоставленные муллы и придворные, увидев его издали, спешили свернуть в переулок, спрятаться от его ядовитой брани.

Однажды, когда у Шарифджана сидели гости, среди которых были поэты, у ворот раздался крик:

– Эй, отбельщик! Как поживаешь? Что поделываешь? Заходить мне или нет?

Шарифджан приказал мне:

– Иди (скажи ему: пусть войдёт.

Яхья-ходжа был высокого роста, худой, с небольшой бородкой на бледном лице. В бороде у него белых волос было гораздо больше, чем черных, и по этому признаку ему могло быть: около шестидесяти лет.

Он происходил из почётного рода бухарских ходжей. Его отец и его деды занимали при эмирах высокие государственные, духовные или хозяйственные посты. По обычаю эмиров, таких ходжей надлежало всячески почитать и ублаготворять. Поэтому на выходки Яхья-ходжи смотрели сквозь пальцы, не решаясь потребовать от него ответа за его слова и поступки. Этим он пользовался, разыгрывал сумасшедшего и всячески закреплял за собой такую славу, ибо она давала ему возможность не только чудить, но и высказывать мысли, за которые простой бухарец немедленно расстался бы со своей головой.

О выходках Яхья-ходжи ходило много весёлых рассказов, из которых передам некоторые.

Один из рассказов касался муллы Кори Саме, которого украшала несравненная борода.

Кори Саме повязывал голову огромной пышной чалмой и, выпустив из длинного рукава длиннейшие чётки, перебирая их, бормоча молитвы, медленно проходил по базарам и по улицам Бухары, своим видом показывая всем и каждому, что, презрев все земное, всеми помыслами он устремлён к богу. В действительности же это был ханжа и плут, из корыстолюбцев корыстолюбец. От зоркого Яхья-ходжи не укрылось двуличие этого лицемера. Поэт решил проучить его.

Однажды Яхья-ходжа искусно составил ложные шариатские документы и передал их в суд, заявив:

– Этими документами подтверждается, что дом, занимаемый муллой Кори Саме, принадлежит не ему, а мне. Требую свой дом обратно.

После нескольких дней судебного разбирательства иск Яхья-ходжи был подтверждён казием, и Кори Саме уплатил Яхья-ходже пятнадцать тысяч тенег, составляющих стоимость этого дома. Кори Саме вынужден был принести деньги и в присутствии казия вручил их Яхья-ходже.

Но когда казий уже намеревался печатью удостоверить исполнение иска, Яхья-ходжа удержал его.

– Эти деньги я временно оставлю ответчику и возьму у вас свои документы, если Кори Саме даст мне слово, что впредь никогда нигде не появится с чётками в руках. Отныне он может выходить только без чёток и в обычной чалме. Пока это условие он выполняет, может не беспокоиться за свой дом. Если же снова примется за свои лицемерные проделки, я немедленно возобновлю иск, и тогда никакими деньгами он уже не откупится! Кори Саме поспешил дать слово, чтобы спасти свои деньги. С этого дня он до конца дней своих нигде не появлялся ни с чётками, ни в большой чалме. Но с этого дня он стал всеобщим посмешищем.

– Вон идёт мулла, продавший свои чётки и молитвы за пятнадцать тысяч тенег! – смеялись ему вслед.

В другой раз Яхья-ходжа неожиданно появился у верховного казия Бухары Бадриддина во время судебного разбирательства. Бадриддин, обомлев при виде злоязычного сатирика, встретил Яхья-ходжу с почётом, предупредительно, кланяясь, лицемерно улыбаясь, и попросил муллу Яхья-ходжу прочитать молитву, надеясь, что этим знаком внимания отвратит от себя жало сатиры.

Яхья-ходжа, вознеся длани свои к небесам, воскликнул:

– Господи, о, если б ты явил милость и сотворил казия Бадриддина богом взамен себя самого!

В изумлении от этой молитвы Бадриддин робко заметил:

– Э… э… э… Это же богохульство!

– Какое же богохульство? Я прошу бога о том, чего тебе не хватает. Ведь в Бухаре ты теперь выше самого эмира. По всему Бухарскому ханству участь и живых и мёртвых в твоих руках. Стоит захотеть тебе, и любого человека ты можешь погубить, обесчестить, разорить, обезглавить. Захочешь – и любого возвеличишь, вознесёшь, озолотишь, осчастливишь. И ни один человек пикнуть не посмеет против тебя. Теперь, кроме престола всевышнего, нет на свете никакой должности, которую ты захотел бы принять взамен своей.

Зала верховного казия при этом разговоре была полна народу. Истцы, ответчики, судейский люд – все окружили плотной стеной беседующих, жадно ловя смелые слова беспощадного поэта.

Бадриддин, торопясь любым способом избавиться от такого собеседника, бормотал:

– Так, так, согласен с вами. Вполне с вами согласен!

Но, наслаждаясь растерянностью наимогущественного человека Бухары, Яхья-ходжа продолжал:

– Согласен? Отлично. А если согласен, тебя не может не интересовать, почему именно я прав. А я вот почему прав. Посуди сам, казий, ведь тебе очень выгодно стать богом. Очень, очень выгодно и крайне необходимо: пока ты не станешь богом, тебе придётся отвечать перед богом за крестьян, безвинно выброшенных тобою из их убогих лачуг, за бедных сирот, у которых ты оттягал наследство, за обездоленных вдов и осиротевших детей, чьих мужей и отцов ты сгноил в темницах. Пока ты опасаешься божьего гнева, ты нет-нет да и задумаешься: «Не накажет ли меня бог?» И эти сомнения отравляют тебе жизнь, портят тебе настроение. А когда ты сам станешь богом, тогда спокойно начнёшь творить все, что ни взбредёт в голову, и совесть твоя не шевельнётся, и радости твои не омрачатся, и жизнь твоя

станет безоблачна и безмятежна. Будешь копить сокровища, сколько ни вздумается, овладевать всем, на что ни польстишься. Ведь тогда за твои черные деяния бог не спросит с тебя ответа в день Страшного суда…

Останки былого великолепия.

Яхья-ходжа носил обычную одежду муллы – халат с мелким рисунком, обшитый узкой тесьмой; на голове белую чалму. Но однажды Яхья-ходжа пришёл к Шарифджану в зелёной чалме и в туфлях на высоких каблуках. Шарифджан, увидев его в таком наряде, удивился:

– Поздравляю с переменой одежды! Чему прикажете приписать неожиданное превращение муллы в уличного гуляку?

– Поздравление принимаю, согласен с тобой: наряд мой заслуживает поздравления, а почему я так оделся – охотно объясню. Представь себе, сегодня утром встречаю Абдул Карима, который торгует на базаре фарфоровой посудой. И вижу, лавочник одет муллой. Я спрашиваю: «Чем объяснить, что купцы обрядились муллами?» А он отвечает: «Сегодня настоятель нашей мечети – за утренней молитвой сказал на проповеди, что каждый человек завтра, в день Страшного суда, выйдет из могилы в том обществе, одежду которого он носил при жизни.

И бог, соответственно сему, предоставит ему место в раю или аду. Вот, говорит мне Абдул Карим, я и счёл для себя наиболее желательным и подходящим восстать из мёртвых вместе с богословами, чтобы вместе с ними войти в царство небесное, почему и решил одеться по их обычаю».

Яхья-ходжа пожал плечами

– Я подумал-подумал, и мне стало ясно, что если я окажусь в раю в обществе таких богословов, то лучше мне отказаться от рая. Хватит с меня и того позора, что судьбе угодно было включить меня в их компанию на земле. Но чтобы в этом обществе ещё и на Страшном суде стоять – благодарю покорно! Поэтому я решил одеться уличным гулякой, картёжником, головорезом, чтобы хоть на том свете оказаться среди этих весёлых людей, даже если с ними мне и обеспечена дорожка в ад. Вдали от богословов мне и ад покажется раем.

После этого Яхья-ходжа почти всегда ходил в туфлях на босу ногу и без обычного головного убора мулл.

В дни, свободные от занятий, Яхья-ходжа часто навещал Шарифджан-махдума.

Не заходя в комнату, он кричал:

– Эй, отбельщик! Что поделываешь? Заходить к тебе или не стоит?

Шарифджан передавал ему через меня или Мирзо Абдулвахида приглашение. Тогда, забравшись на суфу и сунув голову в дверь гостиной, он оглядывал присутствующих и, сказав каждому из них несколько колкостей, исчезал.

Однажды он пришёл, когда у Шарифджана было несколько поэтов. Оглядев их, Яхья-ходжа сказал хозяину:

– Ты простак, что собрал вокруг себя этих чертей. Думаешь, они к тебе на поэтические соревнования приходят или обменяться своими знаниями? Нет, они приходят твоего плова поесть.

Иначе, почему они у меня не собираются? Потому что у меня нет ни лишнего плова, ни лепёшек.

– Ладно – ответил Шарифджан, – пусть я простак. Не обижаюсь. Но зачем обижать этих безобидных людей, называя их чертями?

– Сейчас они кажутся людьми, но это их временная оболочка. Как только закончат обучение и выйдут из медресе, они кинутся искать чины и доходы. Чтобы добиться этого, они сочинят хвалебные стихи эмиру и верховному казию. А те из них, которым дадут место казия или раиса туменя, из простых чертей превратятся в сущих демонов.

– В таком случае, – ответил Шарифджан. – я таков же, каковы и они, не лучше: ведь я заодно с ними! Станут ли они казнями или раисами, ещё неизвестно, а мне подобное место обеспечено сразу, как только закончу обучение.

– Не принимаю! – отмахнулся Яхья-ходжа. – Тебя я не ставлю в один ряд с ними. Тебе от отца осталось большое наследство, и, если у тебя не появится особой жадности, ты не станешь столь жестоко грабить народ. А те, что впервые добираются до денег, хотят все их забрать себе. Голодный волк смелей и свирепей сытого волка.

Раз Яхья-ходжа явился к Шарифджану, когда хозяин принимал одного из богатейших купцов Бухары – Джурабека Арабова.

Яхья-ходжа вошёл, оглядел с ног до головы важного, нарядного гостя и, покачав головой, сказал:

– Эх, почтенный, я вижу, ты гордишься своим, происхождением от арабов? Напрасно! Ведь беспощадный Хаджджадж (В период его правления значительная часть Средней Азии была завоёвана арабами) с помощью Кутейбы ибн-Муслима пролил потоки крови в нашем Мавераннахре (От араб., обозначение территории, находящейся между Амударьёй и Сырдарьёй), а он был арабом. И нельзя тебе гордиться своими роскошными халатами, пышной чалмой, домом, подобным дворцу, множеством бойцовых петухов и скаковых коней. Я слышал, что для конских игр, для козлодранья ты держишь десяток отборных лошадей и при них содержишь несколько человек для той же игры. Для петушиных боев у тебя обучено двадцать пять петухов, и при них ты содержишь несколько дрессировщиков, знатоков петушиного боя. Я знаю, ты разрушил свой дом, построенный пять лет назад, чтобы за сто тенег построить новый дом, больше прежнего. И этим ты не можешь гордиться. Ты свой дом выставляешь напоказ, лошадей выводишь на козлодранье, петухов выпускаешь на бой, а дела свои думаешь заслонить всем этим! Хочешь скрыть, откуда у тебя богатство…

Из-под пышной чалмы Арабова, повязанной поверх златотканой тюбетейки, струился пот, широкая тесьма на вороте его халата взмокла.

Яхья-ходжа, глядя на это, помолчал, а потом спросил Арабова:

– Ты хоть грамотен?

Отирая платком лицо и затылок, Арабов пробормотал:

– Немного могу читать и писать.

– Бедиля читал?

– В школьном возрасте.

– А понял его?

Арабов молчал, пытаясь угадать, какой новый удар готовит ему Яхья-ходжа. А Яхья-ходжа покачал головой:

– Нет, ты его не мог понять. Ведь твой учитель, – если он помер, царство ему небесное, если жив, будь он трижды проклят, – этот твой учитель сам, небось, не понимал Бедиля.

А у поэта сего есть и общепонятные стихи, но ты этих стихов не видел. А если и видел, то поспешил позабыть. Они могли повредить тебе, эти вот стихи Бедиля:

Никто не набьёт свой карман серебром,
Доколе не станет карманным вором.

Прочитав это двустишие, Яхья-ходжа отвернулся от Арабова и обратился к Шарифджану:

– Удивляют меня и раис Бухары, и миршаб: бедняка за карманную кражу хватают, избивают плетью и сажают в темницу, ведь карманник при удаче стащит пять тенег, самое большее – десять. А чаще случается, что вместо серебра выхватит сгоряча тыквенную табакерку, а её на базаре и за четыре гроша не продашь! Всякому понятно: не о таких бедняках писал Бедиль два века назад, а об этих вот, у которых сотни тысяч золота накоплены воровскими путями. Но этих никто не тронет; наоборот, чем больше у них наворовано, тем больше их почитают.

Яхья-ходжа помолчал, потом, вопреки своему обыкновению, сел.

Одна из ниш традиционного бухарского дома. Фото автора.

– Вчера я интересный случай видел. Был я на берегу водоёма Диванбеги, когда, незадолго перед полуденной молитвой, явился туда раис Бухары. Для него поспешно расстелили ковёр перед мечетью. Он расселся и разослал своих молодцов на поиски преступников.

Молодцы обежали все чайные и все харчевни вокруг водоёма, схватили какого-то человека и поставили перед раисом: «Это заядлый карманник!»

Раис осведомился: «Есть ли свидетели его воровства?» Люди толпились вокруг, но помалкивали. Тогда сквозь толпу протискался этот вот твой гость, Арабов, о подобных которому ещё двести лет назад Бедиль сказал, что они воры из воров, протискался и засвидетельствовал: «Я своими глазами видел, как он воровал!»

Раис, узнавши этого Арабова, подобострастно привстал, почтительно, приветствовал такого свидетеля, усадил рядом с собой, а слугам велел раздеть воришку, всыпать ему сорок без одной плетей и потом отвести в темницу. И объявил: «Завтра доложу о сем злодее его высочеству, всемилостивейшему эмиру нашему»

Яхья-ходжа сокрушённо развёл руками: – Ведь это крайняя мера – доклад о злодее самому эмиру. Если найдутся у бедняги какие-нибудь сбережения, он откупится и доклад эмиру не состоится. Раис заберёт его пожитки и отпустит его на все четыре стороны. И после этого мелкий вор станет крупным разбойником, потому что раис станет для него своим человеком. Если же у бедняги ничего за душой не окажется, эмиру о нем доложат, а эмир скажет: «Заточить! Чтобы гнил воришка до конца дней своих во тьме кромешной!»

Говоря это, Яхья-ходжа взволновался. Гнев охватил его, глаза его сверкали, пена белела в уголках рта.

– Плюю я на воров! На подобных вот воров и на самого крупного из них, на его высочество! – Порывисто встал и ушёл.

Яхья-ходжа не был профессиональным поэтом, но многие говорили о его сильном поэтическом даровании. От случая к случаю он сочинял сатирические стихи, произнося их перед теми, в кого они были нацелены, как бы ни был силен человек, рассердивший поэта. В одном из стихов он высмеял кушбеги Бухары – Джанмирзу.

Случилось так, что Джанмирза, гордившийся своей на редкость пышной, величественной бородой, пожелал понравиться Яхья-ходже и снисходительно попросил:

– В прежние времена великие поэты сочиняли панегирики своим знатным современникам, дабы увековечить их память. Не мешало бы и вам, достопочтенный поэт, чем-нибудь выразить внимание к вашему покорному слуге. Это оказало бы мне честь, а о вас сохранилась бы память.

Яхья-ходжа, не моргнув глазом, ответил на это такими стихами:

Взглянувши в зеркало, кушбеги, возгордясь,
Ликует: «Ах, какая борода!»
Но, к бороде Кори Саме оборотясь,
Тоскует: «Ой, какая борода!»

Затем Яхья-ходжа с сожалением развёл руками:

– Не прогневайтесь, уважаемый кушбеги, но, кроме бороды, я у вас не заметил ничего, чем вы могли бы гордиться и что я мог бы воспеть. Но и эта ваша борода ничто в сравнении с бородой муллы Кори Саме!

Однажды другой очень знатный эмирский военачальник также обратился к Яхья-ходже с предложением написать о нем. Это пожелание высказано было в присутствии многочисленных высокопоставленных придворных. Яхья-ходжа быстро сочинил и тут же, в присутствии всех собравшихся прочитал оду из пятидесяти отличных по рифме двустиший, размером, которым написана «Шахнаме» Фирдоуси (Мутакариб – разновидность метрической системы стихосложения аруз. Этим размером, как правило, писались эпические произведения). Но процитировать эту оду невозможно: она состоит из таких выражений и основной образ её таков, что для печати неудобен.

Яхья-ходжа был одним из близких друзей нашего выдающегося учёного Ахмада Дониша, его частым гостем и собеседником. Со слов Яхья-ходжи Ахмад написал большой рассказ, почти роман, под названием «Хаджи Бобо» в своей книге «Редкостные происшествия» («Наводир ул-вакое» – крупнейшее произведение Ахмада-махдума Дониша).

Садык ходжа Гулшани (Автор утраченного сочинения «Подробная география» и многочисленных любовных стихов, знаток поэзии, землемер, математик) был учёным. Когда я служил у Шарифджана, ему было лет тридцать. Белолицый, черноглазый, с большой широкой бородой, он был крепко сложен и красив. Одевался он скромно, но очень опрятно.

Он тоже хорошо рассказывал всякие истории, хотя и заикался слегка. Это заикание даже украшало его речь, придавая ей какое-то особое обаяние. Из учеников бухарских медресе он первым изучил русский язык.

Он жил в одном квартале с Ахмадом Донишем, постоянно с ним встречался, и, говорят, именно Ахмад Дониш убедил его заняться изучением русского языка, а благоприятствовало этим занятиям и ещё одно обстоятельство.

У Садык-ходжи был дядя, искусный ювелир. Бухарцы звали его Ходжа-печатник за мастерство, с каким он делал печати и всевозможные золотые изделия. При эмире Музаффаре он подвергался преследованию и, чтобы спасти голову, бежал из Бухары. Поселившись в Самарканде, он купил там дом и принял российское подданство.

Юренев Сергей Николаевич (1896—1975)

Биографическая справка:

Исламовед, историк, этнограф, специалист по музыкальной этнографии (особенно чувашским песням); впоследствии исследователь архитектуры и материальной культуры Средней Азии.

Родился в селе Заскарки Лепельского уезда Витебской губернии, в дворянской семье. Окончил МАИ; оставлен при институте в качестве научного сотрудника. С 1920 заведующий кабинетом церковной археологии при Витебском отделении МАИ. В том же году вся семья Юренева была выслана в Тверь. Работал здесь в различных учреждениях (в т. ч. инструктором политпросвета, председателем экскурсионного бюро). Собирал материалы по этнографии и музыкальному фольклору народов СССР (в частности, чувашей). В конце 1929 после ареста братьев, перед угрозой неминуемого ареста уехал из Твери в Среднюю Азию. В 1931—34 преподавал в различных вузах Узбекистана (Фергана, Бухара). Затем в связи с болезнью матери вернулся в Калинин (Тверь). Участвовал в организации Калининской картинной галереи. Во время немецкого наступления на Москву в октябре 1941 вынужденно остался в Калинине с больной матерью на руках; возглавил брошенную бежавшим музейным начальством Калининскую картинную галерею, лично спрятал наиболее ценные экспонаты, спас

все музейные ценности. По освобождении Калинина в декабре 1941 работал преподавателем местного педагогического института. Вскоре по доносу арестован; обвинён в «сотрудничестве с врагом». 11 августа 1942 осуждён Военным трибуналом гарнизона г. Калинин на 10 лет ИТЛ (ст. 58—1а УК РСФСР). Освобождён 24 ноября 1951 по отбытии срока с зачётом рабочих дней из мест лишения свободы Горьковской области. Впоследствии жил в ссылке в Бухаре, в келье (худжре) одного из средневековых медресе, исследовал архитектурные памятники, вёл раскопки, собирал коллекции древностей, частично переданные им в Эрмитаж и МГУ, а также по завещанию – в Бухарский музей. В 1952—58 гг. штатный археолог специальных научно-реставрационных производственных мастерских; затем вышел на пенсию, но по собственной инициативе, без какого-либо вознаграждения, продолжал деятельность археолога, краеведа и неофициального гида. Знаток народных ремёсел, открыл ряд талантливых бухарских мастеров-усто, сделав их творчество известным общественности. С его помощью началась в областной г. «Советская Бухара» серия публикаций «Архитектурные памятники Бухары». Реабилитирован в 1989 году. В 1995 имя Юренева присвоено правительством Узбекистана одной из улиц Бухары.

НЕБОЛЬШОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ В ДЕТСТВО

Когда я был ещё совсем маленьким ребёнком, окружавшие меня взрослые, часто играя со мною во всякие игры, порою, заходили ко мне сзади и, плотно приложив свои ладони к моим ушам, крепко обхватывали мою голову и приподнимали меня высоко над землёй, произнося, при этом, ставшую потом такой родной и привычной для меня, фразу: «Хочешь увидеть Алексея-бобо? Во-он он!» Я смеялся вместе со всеми и пытался рассмотреть: где-же этот загадочный Алексей-бобо, но никого перед собою не видел.

Так звали известного на всю Бухару русского учёного, этнографа, археолога и просто замечательной души человека, отличающегося своим высоким ростом, удивительно добрыми живыми глазами и проживавшего в маленькой келье в одном из медресе, стоящих друг напротив друга и именуемых как Кош-мадраса. Почему Сергея Николаевича Юренева звали «Алексей-бобо», мне так никто и не объяснил. Да это и не важно.

Сейчас, по прошествии стольких лет, часто вспоминая свои детские впечатления, я очень сожалею, что ни разу так и не встретился с этой незаурядной личностью. А ведь он жил совсем рядом со мной! Мне было 18 лет, когда его не стало. В таких случаях принято говорить «не судьба».

И все-же, отдавая дань его светлой памяти, мне хочется привести отрывок из книги любимого и почитаемого мною литературных авторов – И. Губермана, удивительно живописно, точно и сочно отразившего характер человека, прошедшего через невероятные лишения, но сохранившего глубокую порядочность и человечность до самого последнего своего дня.

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ И. ГУБЕРМАНА «ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ»

…Была ещё с собой записка – дал приятель к давней своей соученице, здесь работавшей в каком-то местном научно-медицинском заведении. Она ровесницей была, но выглядела много старше. Некрасивая, добрая, провинциальная, явная и очевидная неудачница в личной жизни – из тех, кто надежнейшими друзьями бывают, а на большее и не претендуют с годами, довольствуясь хоть какой-то нужностью своей кому-то. Большое везенье таких женщин, обделённых собственной фортуной, если находится объект опеки, заботы, привязанности или поклонения.

У этой – был. С таким значением и с таким глубоким чувством произнесла она фамилию: Юренев, что не посмел Рубин спросить, о ком, собственно, речь. Но она торопливо рассказала сама. Даже похорошела от возбуждения, излагая сведения из Брокгауза и Ефрона. Впрочем, и из жизни самого Юренева, к которому немедленно Рубина повела, с очевидностью делая гостю душевно ценный и существенный подарок.

Был Сергей Николаевич Юренев, к которому они шли, – из дворянского рода, начинавшегося некогда в Польше, а с четырнадцатого века – широко известного на русской службе. Среди них был стрелецкий сотник, прославленный защитой Соловецкого монастыря от шведов, были полководцы, вице-губернатор, деятели искусства и сенаторы.

А в двадцатых годах прихотливые водовороты российских судеб вынесли Юренева Сергея Николаевича в город Тверь. И служить он стал в музее, попадая изредка в Среднюю Азию (читал лекции по истории живописи и археологии), где чрезвычайно полюбил Бухару, после лагеря навсегда в ней поселившись.

А на лагерь он по многим своим данным был заведомо обречён: происхождением, способностями, характером. Только миловала его судьба и обходила. Вплоть до самой войны. И ещё потом короткое время. В армию не успели его призвать, но окопы он копал все время, пока Тверь не оказалась под немцами. А тогда вернулся в музей. По нему хозяевами ходили германские офицеры. Курили в залах, приводили девок зачем-то, а однажды он услышал, как трое интеллигентного вида офицеров обсуждали неторопливо друг с другом, какие картины стоит взять себе. Вернее, обсуждали двое, третий настаивал на том, что лучше потерпеть до Москвы, где выбор будет несравненно интересней. Услыхав это, Юренев пошёл к коменданту города. И был принят. И на отменном немецком языке объяснил, что Германию, страну великую и им вполне уважаемую, такое хамское поведение её нерядовых представителей – сильно компрометирует. И был учтиво выслушан. И был похвален за визит. И был расспрошен о своём происхождении и приглашён на службу. И был понят, когда неукоснительно твёрдо это лестное приглашение отверг. И беспрепятственно вернулся в свой музей. А уже назавтра там висели немецкие таблички «не курить» и никто ничего не трогал.

Сотрудники музея знали, кому обязаны, и не раз об этом с благодарностью вспоминали. Но когда немцы откатились из Твери, когда на третий уже день забрали Юренева в армейскую комендатуру, ни один сотрудник не осмелился туда пойти. Десять лет получил Юренев за «сотрудничество с немецкими оккупантами», и ещё счастье, что расстрелян не был. Следователь, симпатичный молодой капитан с воспалёнными докрасна белками глаз (столько было срочной работы), сказал Юреневу, что в музее побывал, что ему все рассказали, но безусловно следует карать всех, кто с немцами вообще общался. Вот если б вы взорвали этот музей вместе с офицерами, это было бы по-нашему, сказал следователь. А то попёрся разговаривать! За это мы караем беспощадно и не вникая, в этом полная есть военная справедливость. И рука наша настигнет любого, сказал следователь, не разбирая кого, и об этом все должны знать, это секрет политшинели. Тут Юренев уж, на что был раздавлен случившимся, однако хмыкнул и следователя поправить попытался. Но капитан от лекции на тему, что такое «секрет Полишинеля», отмахнулся с презрением и сказал, что слова эти сам лично слышал от председателя трибунала, а тот – полковник. Так что секрет – он именно секрет политшинели. И отправил Юренева в камеру, благо была в Твери тюрьма, а в ней кто только не сидел за время её существования, – хрестоматия была, а не тюрьма, пособие по истории российской.

В лагере непостижимо как, но выжил слабогрудый Юренев, а после поселился в Бухаре. Здесь работал сторожем, рабочим на археологических раскопках, никуда больше по искусствоведческой части не поступал. Но с годами обильное паломничество к нему возникло: необыкновенным знатоком Средней Азии, истории её и культуры показал себя Юренев. А он тем временем нищенскую пенсию себе заработал и сейчас, хоть и является

достопримечательностью города, а в новую квартиру наотрез отказывается переезжать. Хотя живёт в каморке, в стене.

– Где, где? – переспросил Рубин.

– Сейчас придём, увидите, – ответила спутница и продолжила восторженный рассказ: – Муллы при встрече кланяются Юреневу первыми. И не только за образованность и известность. Он ещё слывёт святым у верующих мусульман.

– А это почему? – спросил Рубин.

– Потому что девственник, – сухо пояснила спутница тоном знатока-исламоведа.

Страхота, подумал Рубин усмешливо, со святыми разговаривать тяжело. Тоже мне Вергилия Сусанина.

Кош-медресе.

Они пришли. Большие ворота вели в огромный, почти квадратный двор, огороженный высокой стеной, но в стене этой в два этажа были видны двери. Словно улей сотами, была усеяна стена каморками. Это был двор старинного медресе, и в конурках этих жили некогда ученики. Бухара. Кош-Медресе. Медресе Абдулла-Хана. Недалеко от мавзолея Саманидов, находится один из самых привлекательных ансамблей /кош-медресе/, характерных для Бухары. /Кош/ – значит /двойное, парное/; здания высших учебных заведений стоят друг против друга по сторонам узкой улицы, /переглядываясь/. Первое из них – медресе Модар-и хан построил от лица матери Абдуллахан II (Абдаллах-хан). Дата постройки – 974 год хиджры (1566/67 гг.) указана в стихотворной майоликовой надписи над входом. Второе здание – медресе Абдаллах-хана, выстроенное в 1588—90 гг. Потом здесь было гигантское коммунальное жилье, но уже разъехалось большинство обитателей, а Юренев упрямо оставался. Только два года или год, как тут свет провели, сказала спутница, а то все на керосинке и на примусе. Так зимой же холодно, удивился Рубин. Ещё как, ответила спутница. Жаровня с углями, если рядом сидишь, то греет. Только уголь дорогой, а с электричеством полегче стало. На десять

лет позже провели его сюда, чем ракету с человеком в космос запустили. А жило здесь множество семей. Несколько сотен человек.

В каморке оказалось неожиданно просторно и уютно – тем уютом хорошо обжитого помещения, когда лишнего нет ничего, хотя видно, что живут со вкусом к жизни. Сразу слева от двери, очень странное и неожиданное здесь, стояло белое пианино. От него отгороженная маленьким стеллажом, туго набитым книгами, виднелась узкая кровать с железными спинками. Суконное одеяло не полностью закрывало жидкий тюфячок. Груду керамических обломков дивной красоты и какие-то древние посудины и подносы разглядел Рубин уже позже, ибо навстречу из-за стола поднялся, большую лупу для чтения на книгу положив, очень высокий и тощий старик с чистым сухим лицом. В ярком свете низко висевшей лампочки без абажура не видна была густая сетка морщин, вмиг объявившихся, когда он снова сел. Длинные цепкие пальцы, сильное рукопожатие, спокойный прямой взгляд больших выцветших глаз. Женщине Юренев поцеловал руку, низко склонившись к ней.

– Про вас, Сергей Николаевич, я уже всю дорогу рассказывала, а вот Илья Аронович Рубин, мне его очень рекомендовали из Москвы друзья, – это было произнесено тоном начинающего экскурсовода.

– Польщён вниманием, – сказал Юренев улыбчиво. – По каким делам в наши края наведались?

– Я журналист, – ответил Рубин, продолжая исподволь озираться и не совсем понимая, зачем он сюда припёрся. Ещё мерзкое было очень настроение.

– А – сказал старик одобрительно. – Хорошая специальность. Древнейшая. А что освещаете?

– О науке я пишу, – сдержанно ответил Рубин.

– Обширная область, – вежливо кивнул Юренев. – На классиков только надо чаще опираться. Опираетесь?

Рубин недоуменно посмотрел на старика: он то ли улыбался гостю, то ли плотоядно щерился.

– Я имел в виду, что классиков цитировать полезно, – пояснил Юренев уже с явной издёвкой. – Кашу Марксом не испортишь, как говорится.

– Калом бурите? – грубо ответил Рубин старой студенческой шуткой, чуть не задохнувшись от нахлынувшей злости. Ну и плевать, подумал он. Судья нашёлся. Сморчок замшелый.

Юренев поощрительно и очень молодо захохотал.

– Правильно, – сказал он. – Молодец. Нечего всякому хрычу оскорблять гостя прямо с порога. Не серчайте. Я соскучился по хорошему разговору. В самом деле, о чем пишете?

Что-то было располагающее в его тоне и в нем самом. В улыбке, что ли? Рубин сам не заметил, как стал рассказывать о недавно умершем физиологе Бернштейне, с которым хорошо знаком был и которого боготворил со всем пылом человека, ещё нуждавшегося в учителе-мудреце.

Рубин рассказывал об учёном, лет за пятнадцать до Норберта Винера вышедшем на идеи кибернетики. Но идеи эти оказались никому не интересны, а коллеги вскоре начали травить Бернштейна, отовсюду его выгнали в пятидесятом году, но тут домой к нему толпой потекли ученики, возникла поразительная, чисто отечественная ситуация: сидел в своей квартире отовсюду изгнанный, ошельмованный, преданный казённой анафеме человек, а к нему в очередь записывались на часовой разговор десятки молодых учёных из невообразимо разных областей науки. Уже его идеи разворовывались, как водится, шли по рукам, присваивались другими, растворяясь до неузнаваемости во множестве чужих экспериментов, а старик только посмеивался в ответ на возмущение друзей и почитателей, ничуть его не разделяя, – какая разница, кто автор, если идея зажила полнокровной жизнью.

– Как я его понимаю! – хмыкнул Юренев.

Приведшая Рубина женщина азартно раскрыла рот, спеша вмешаться и тоже что-то рассказать, но Юренев быстро глянул на неё, и та умолкла, с обожанием на него глядя.

Рубин вспомнил, как ездил поговорить к одному маститому академику, и академик замечательную фразу назидательно тогда произнёс:

– Утверждать, что обратную связь в нервной системе открыл не я, а Бернштейн, – значит подрывать приоритет отечественной науки.

– Замечательно, в самом деле, – одобрил Юренев. – А Бернштейн ваш – он еврей, естественно?

– Право, не знаю, – ответил Рубин, чуть насторожившись от тона, каким это было сказано. – В том-то и дело, что академик расширительно говорил. Как истинно русский человек, он вообще никого другого на нюх не переносил. А Бернштейн – из обрусевших немцев, кажется.

– А в пятидесятом его, значит, не как космополита костили? – спросил Юренев живо.

– Нет, – сказал Рубин. – В чистом виде за научные идеи. Там даже одна аспирантка выступила, девочка наивная, и говорит: зря вы Николая Александровича так ругаете, ошибка это, он ведь не еврей.

– Да, святая простота, – усмешливо согласился Юренев. – Как это тогда говорили: чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом.

Снова он это как-то сочно сказал, и Рубин вскользь заметил, на проверку:

– Аппетитно вы это произносите. Со вкусом.

Юренев остро и быстро глянул на него и, помолчав мгновение, сказал мягко:

– Болеете все-таки племенной болезнью. В юдофобстве так и жаждете любого заподозрить, правда?

– Есть немного, – осторожно ответил Рубин.

– И у меня немного есть, если хотите начистоту, – просто сказал Юренев и улыбнулся так открыто и хорошо, что Рубин тоже улыбнулся в ответ.

– Знаете, – сказал Юренев медленно, словно нащупывая тропку к пониманию, – приходилось вам ведь слышать или читать о латышских стрелках, охранявших революцию и её вождей? Приходилось?

– Конечно, – ответил Рубин с готовностью. – Очень знакомая цепочка. Сейчас вы упомянёте украинцев, самых страшных охранников и конвоиров в лагерях у нас и у немцев.

– Верно, – Юреневу явно нравилось несогласное взаимопонимание. Глаза его блестели острым задором. – А теперь скажите-ка мне, при вашей осведомлённости, кою с радостью наблюдаю и одобряю – к украинцам нет ли у вас на основе читанного и слышанного – нет ли и по сей день некоего живого чувства? Которого сами вы, скорее всего, стесняетесь?

– Есть, – признался Рубин. – И действительно, стыжусь его и прячу, но есть.

– Так откуда же у меня может быть филосемитизм? – грозно и твёрдо спросил Юренев, и на стенку перестал спиной облокачиваться, выпрямил свой худой торс и сверху вниз на Рубина посмотрел. – Если бы я даже меньше знал о еврействе превеликого множества чекистов, то стоило прибыть в Вятлаг по этапу, и встречал меня там Ной Абрамович Левинсон, мерзкий не только сам по себе, но всю мерзость режима своим убогим самодовольством и тупой категоричностью воплощавший. А когда закуривал он, между прочим, то золотой портсигар с рубинами вынимал – отобрал у какого-то из высланных…

Вдруг Юренев прервал свой грозный монолог и засмеялся, с некоторым то ли смущением, то ли лукавством глядя на Рубина, сидевшего напрягшись. Но был Рубин готов к внезапному разговору нараспашку.

– Попался старик, – сказал Юренев, звучно высморкавшись в большую цветастую тряпку, бывший шейный платок или косынку, ловко добытую им из-под подушки длинной худой рукой.

– У латыша был этот портсигар изъят, – объяснил он Рубину, – многим тысячам тогда судьбу сломали после счастливого слияния с семьёй народов.

И снова засмеялся, что-то вспомнив.

– Для вас точнёхонько история, – объяснил он. – Как-то раз у нас в бараке спор завёлся, какой нации в лагерях больше сидит. Кто-то первый сказал, что русских, конечно, ему грамотно объяснили, что считать надо в отношении к общему количеству людей этой нации в стране; тогда решили было, что грузин больше, очень их много шло в пятьдесят втором. Но согласились единогласно, что евреев все же больше всех. И тут с соседних нар пожилой украинец угрюмо голос подаёт: это, говорит, такая нация, всюду она пролезет и своих протащит. Ах, как хорошо мы все смеялись! Очень от сердца он сказал, с истовостью, нарочно так не получится.

Юренев задохнулся и закашлял трудным глубоким кашлем слабогрудого человека. Отпил какого-то отвара или настоя из пиалы, аккуратно прикрытой марлей, снова марлю заботливо расправил.

– Тяжко очень было? – глупо спросил Рубин, кляня себя за вырвавшийся плоский вопрос.

– А-а, – махнул рукой Юренев – даже не рукой скорей махнул, а длинными пальцами пошевелил презрительно. – Всяко бывало. Унизительно это было очень. Унижение широчайший спектр имеет, батенька. Голод – он ведь очень унизителен, упаси вас Бог это узнать. И труд бессмысленный, и болезни, и бессилие – унизительны. Это, может быть, посильнее, чем собственно неволя.

– А вера помогла вам? – снова Рубин ужаснулся своему вопросу, так не к месту и бесцеремонно он звучал, но Юренев очень оживился. И сбоку от Рубина – где тихо-тихо сидела провожатая – негромкий послышался фыркающий смешок.

– Вы, наверно, это вот заметили? – спросил Юренев, оборачиваясь к висевшему у изголовья кровати прямоугольнику размером с икону, аккуратно завешенному марлей. Впрочем, в углу над кроватью висела ещё маленькая икона Сергия Радонежского в медном окладе. – Мне не только вера помогала, но ещё заклятие некое. Я его вроде индусов непрестанно повторял и повторяю нынче в трудную минуту, только содержание русское.

Правой рукой он откинул марлю с прямоугольника, и Рубин увидел кусок отпиленной доски с наклеенным листом бумаги. Чуть поперёк листа крупными торжественными буквами было выписано красной тушью пляшущее перед восклицательным знаком одно слово: Насрать!

И сразу так хорошо сделалось на душе у Рубина, так спокойно и светло, что острую благодарную любовь почувствовал он к этому старому несгибаемому отпрыску древнего рода. Нечто крайне важное мгновенно передал он Рубину – завет, как жить и относиться к стихии.

– Ну, спасибо, – сказал Рубин восхищённо. – Это настоящий подарок.

– А теперь попьём чайку и продолжим, – сказал Юренев, очень довольный произведённым эффектом. – Только вы меня, батенька, правильно поймите, я и от веры предков не отрекался, просто это необходимая в наши времена духовная добавка, без неё никак не обойтись. Вы зелёный пьёте? Где там вашему индийскому, я уж о грузинском не говорю.

Рубин оглядывался с интересом. Здесь было множество вещей, способных украсить любой музей или коллекцию. И на молчаливый вопрос гостя Юренев пояснил:

– Завещал я это почти все Русскому музею в Ленинграде. А часть – местному. Здесь исключительно мои находки. А продавать не хочется, рука не поднимается расстаться.

– Пенсии хватает? – спросил Рубин осторожно, ибо вновь не слишком деликатен был вопрос.

– Остаётся! – засмеялся Юренев. – Мне ведь власть от щедрот своих роскошный пенсион положила: пятьдесят рублей каждый месяц.

Рубин дёрнулся непроизвольно, однако возглас изумления сдержал. Он уже сообразил, что здесь лучше разговаривать спокойно.

– Хлеб, крупа, сахар, – сказал он. – Чай ещё, пожалуй, и молоко. На большее хватит вряд ли. – Он вопросительно посмотрел на Юренева. Юренев смотрел на чайник.

– Я аскет вообще, – сдержанно сказал он. – Так давно уже себя приучил. Только, честно вам признаться, ем гораздо лучше, чем вы предположили. Мне окрестное население продукты приносит. Лечу я их помаленьку.

– Умеете? – спросил Рубин. – В смысле – учились?

– В санчасти в лагере доводилось крутиться, – уклончиво ответил старик. И опять расплылся в улыбке: – Что греха таить, святым я здесь слыву, так что лечу, уж извините, шарлатанством – сиречь внушением по-вашему, по-научному. От меня что ни примут – верят, потому и помогает, как известно. А отсюда и благодарность натуральным продуктом как-никак перепадает. Знаете ли, сам-то аскет, а вот Машке-распутнице на базаре говяжьи мозги приобретаю, обожает она их, мерзавка.

Только сейчас Рубин сообразил, отчего левую руку старик время от времени опускает возле себя, словно трогает там что-то. Привстав, увидел он, что сбоку от Юренева стоит ещё одна табуретка, на ней наложен тонкий ковёр и спит на нем, свернувшись безмятежно, огромная пушистая кошка коричнево-чёрной масти с белой полянкой на загривке.

– Дмитриевна-джан, заварите нам чайку, не откажите, обожаю женскую ласку, – попросил Юренев.

Дмитриевна-джан быстро и ловко заварила чай, достала две пиалы и колотый сахар. Быстро глянула на старика и выставила на стол миску тонко нарезанных и тщательно высушенных черных сухарей с кристалликами соли на каждом.

– Чем богаты, – церемонно сказал Юренев. – Лично я их любому ситнику предпочитаю. Дмитриевна, там и масло есть, и мёд, не такие уж мы стоики и аскеты. А пиалы почему же только две? Мы цивилизованные люди, мы готовы скрепя сердце женщину за стол посадить. Особенно, если белая женщина.

– Бежать мне надо, Сергей Николаевич, – умоляюще сказала белая женщина, покрасневшая от внимания. – Оставляю вам гостя, не обижайте.

– Об этом не просите даже, – свирепо произнёс Юренев. – Сейчас вернусь опять к Левинсону, перейду на такого же начальничка в Казахстане – Левитан ему была фамилия, и всю ихнюю породу низведу на надлежащее место. Вы готовы? – спросил он гостя.

– С наслаждением, – ответил Рубин, отхлёбывая чай. – Только ответствовать буду, не осерчайте.

Теперь они остались одни и помолчали, глядя друг на друга.

– Вы ведь курите, должно быть? – заботливо спохватился Юренев. – Курите, ради Бога, мне ничего уже не может повредить. А запах дыма до сих пор обожаю. Так что только обяжете меня.

И Рубин закурил.

– А хотите – и вправду продолжим? – вкрадчиво спросил Юренев.

– Мне это очень интересно, и не оскорбляйте меня подозрением в тупой обидчивости, – откликнулся Рубин, наслаждаясь сигаретой.

– Вкусно курите, – похвалил Юренев. – Замечательный это дар – от жизни удовольствие ощущать. Испаряется, к сожалению, с годами. Все никак к вашему Левинсону-Френкелю не перейду. Расслабился.

Рубин выпрямился и руку с сигаретой опустил.

– Пожалуй, что о Френкеле интересней, – сказал он. – Что-нибудь о нем знаете?

– Эк вас кинуло, – заметил Юренев насмешливо, – молодец. Только не сами ли вы проблему эту раздуваете своим интересом? Раньше русские мальчики, в трактире встретясь, о высоком разговаривали.

– Мальчики выросли, – сказал Рубин. – Повзрослели крепко. Правда, умудрённее не стали. А высокое – оно, видите ли, очень низким оборачивается в России. До предела мерзости и гнуси доходит. Я думаю, что Достоевский сейчас бы мальчиков своих тоже на эту тему перевёл.

Юренев головой неопределённо мотнул, то ли соглашаясь, то ли спорить не желая.

– Ну, о Френкеле конкретно знаю я не более, чем в лагерях болтали. Что это он, дескать, придумал пайку. Дозировать по выполнению плана, то есть как бы всю систему рабского труда сочинил. Но только это чушь собачья. Память если моя старческая не подводит, году ещё в двадцать каком-то Рыков, кажется, человек в их романтической банде не последний, делал большой доклад, что необходимо карательную политику усиливать, гайки затягивать, а принудительный труд ставить на условия, выгодные для государственного строительства. То есть на сдельщину, в зависимости от труда. Было ведь такое? Знаете?

Рубин кивнул нетерпеливо.

– Не более чем исполнителем он был, ваш Френкель, – брезгливо сказал Юренев. – И перемене моей позиции не удивляйтесь. Потому что ручку этой мясорубки вся страна крутила, славу эту исключительно себе не присваивайте. Впрочем, вы сказать что-то хотите?

– В книге Солженицына глава о Френкеле кончается страшной фразой, – Рубин волновался отчего-то, – страшной. Вот такого типа: дескать, думаю, что он ненавидел эту страну.

– Эк он возвеличил Френкеля, мразь эту! – презрительно поморщился Юренев. – Россию, батенька, её Чаадаев мог ненавидеть. Русский гений. Потому что право имел. Обожал потому что. А эта ваша мелюзга дворовая, этот пёс цепной, он её ненавидеть никак не мог, не по душевному чину это ему, он её мог разве что понимать. Только, извините, не в том смысле, что у Тютчева. А понимать, как жить в ней устроиться, как сытней и как безопасней. Вот и все. А то у вас тут, у евреев, какая-то скособоченная, уж извините, мания величия проявляется. Злодейского, но величия. Эка хватил: Френкель. Это для обывателя удобный миф, уютный весьма, мелкий очень, оттого и годится. Для аристотелей с конторским мышлением, которым главное – на кого вину спихнуть. Не умея постичь, не смея вину на себя взять – с радостью взять, ибо великая вина! – ищут они козла отпущения. А тут уж никого и не найдёшь удобней, чем еврей привычный. А трагедия – она ещё когда началась! С той гордости она началась, что необыкновенные мы, что, косясь и посторaниваясь, дают нам дорогу другие народы и государства. И так далее. Узнаете? С гордости, что мы – Русь-тройка, это всё началось, если хотите.

– Не понял, – признался Рубин. – Пока не понял.

– Прочитал недавно, – пояснил Юренев, – замечательную статью в провинциальном журнале. О писателе Юрии Олеше. Очень тонкий там один пассаж: дескать, не заметили мы, в чаду и угаре нашей гордости той борзой тройкой, что мчалась она не просто, а заложена была в бричку, а в ту бричку, в свою очередь, был заложен Чичиков. Вот он, дескать, в наш век примчался, вылез, огляделся и за дела принялся. Белинков фамилия автора. Тоже, мне рассказывали, много просидел.

– Я читал, – сказал Рубин недоуменно. – Только не пойму, о чем вы?

– А не спешите, мы довольно мчались, – ответствовал Юренев нарочито медленно и долил чая в пиалы. – Образ этот, наблюдение, верней, – очень уместно для сегодняшнего времени, когда все жрут, и снова хватают, и опять воруют, даже прожевать не успевают как следует, разве что чавкают по возможности негромко, чтобы внимание к себе не привлечь.

В этом смысле замечательно точно вставлено про Чичикова в статье. Только раньше этого, батенька, с самой тройкой чисто гоголевское преображение произошло. Страшное и колдовское, если хотите.

Юренев сидел выпрямившись, высоко возвышаясь над столом, кисти рук его с длинными пальцами, загорелые, а может просто старческой желтизной отливающие, ровно лежали на клеёнке, неподвижное и мятое худое лицо озарялось очень живыми серыми глазами. Он вот так и лечит, должно быть, подумал Рубин, и попробуй не поверить ему.

– Превратилась эта тройка российская, страну влекущая с неодолимой силой и очарованием скорости, – в тройку особого совещания! ОСО! Слышали, небось, такое?

– Разумеется, – хрипло отозвался Рубин.

– И конечно же, как при всяком нечистом преображении, расплодилась эта тройка на всю страну. Сотни миллионов жутких лагерных лет она дала десяткам миллионов людей. Размах вы слышите?! Жизнь человеческая умещалась на клочке бумаги папиросной, из которой и цигарку не свернуть. И текст простейший: слушали – там фамилия, постановили – там срок. Вот в какую тройку обратилась гоголевская знаменитая и всю Русь за собой поволокла. И мы летели, упоенные и зачарованные. А когда опомнились и страшно стало, то поздно уже – мчимся по инерции. Предрешено было России самоубийство такое, и давно его готовили наши деды и прадеды. Наши, заметьте, – коренные российские. Запрягали-запрягали – и понеслись.

Остановившиеся, застывшие глаза старика смотрели мимо Рубина сквозь стену и оттуда медленно вернулись, обретя опять усмешливость и теплоту.

– И вот тут-то, – сказал он, – когда все с ума посходили, то обезумевшей империи понадобились для ведения ее безумного хозяйства… понадобились… – Юренев щёлкнул пальцами, ища слово.

– рачительные рабовладельцы, – подсказал Рубин осторожно.

– Совершенно так, – согласился Юренев и тут же спохватился: – Нет! Рачительные надсмотрщики! Потому что тоже из рабов, что самое страшное.

– У древних евреев даже такое проклятие было, – торопливо согласился Рубин, – самое свирепое проклятие, хуже пожелания оспы, чумы и саранчи – чтоб вы были рабами у рабов.

– Это красиво и точно, – одобрил Юренев, – обожаю точные слова. Все-то вы меня к евреям толкаете, а я к ним сам перехожу. Пожалуйста: рачительные рабы-управляющие, рабы-распорядители, рабы-надзиратели. Об одном и том же говорим. Тут вот и появились ваши левинсоны и френкели. И вам тут нечего стыдиться, а нам вину свою – грех перекладывать. Потому что у нормальной великой нации свои должны быть способные, энергичные и жестокие подлецы-служаки. Только мы своих поубивали, – сказал Юренев со вздохом, и Рубин было засмеялся, но сообразил, что собеседник очень серьёзно об этом говорит, без капли иронии. Рубин закурил, и старик долгим взглядом проводил тающее кольцо дыма.

– Ещё в гражданскую войну мы начали самоубийство, а там и дальше понеслись свой лучший семенной фонд уничтожать, – продолжал он медленно, – крупные личности оттуда только и берутся. Душители тоже в том числе. Из способных, из энергичных, из породистых. Забили всех: дворянство, офицерство, купечество, духовенство, крестьянство лучшее… Интеллигенцию всякую – из них тоже такая крупная мразь получается, что не приведи Господи, это мы уж из немецкого опыта больше знаем. Собственное генеалогическое дерево подрубила матушка-Россия почти под корень, самые плодоносящие ветви безошибочно порушила. Геноцид был в чистом виде, да ещё с отбором лучших пород. Так откуда же взяться тогда крупным людям? Поколения теперь нужны, чтобы племя восстановить, скотоводы – и те знают это отлично. Так что евреи просто пустоты наши заполнили, за что ни вам стыда, ни нам чести. Тоже не Бог весть какие пришли, кстати сказать. Просто средний рост гвардейским стал в этом стаде, где только карлики уцелевали, а со средним ростом вообще

у вас богаче. А для чего все это было? Во имя чего? Исключительно из-за гордыни вековой, право слово. А кончится когда? Один Бог это знает, неисповедимы пути Его.

Это было сказано с трагической истовостью; Рубин ожидал, что Юренев перекрестится сейчас, но старик молча принялся прихлёбывать чай, и Рубин прерывать молчание не решался. Юренев прищурился вдруг и засмеялся негромко.

– К нашей теме, – сказал он. – Году в пятидесятом, если не ошибаюсь, появился у нас на зоне еврей с целым букетом статей разных. А одно из обвинений, представьте, – юдофобство, антисемитизм, разжигание национальной розни, оскорбление национального чувства, ущемление прав, уж я не помню, как там формулируется точно. Это в разгар травли евреев по всей стране. Мы-то уже знали, доходили до нас слухи исправно. Он нам о себе рассказывал – мы с хохоту помирали. Донос на него кто-то наклепал на работе, по торговому их ведомству, а в доносе – вот про эти ущемления. Да. Так ему следователь говорит: за что же вы их так, голубчик, ненавидите, я и сам их, признаться, не терплю, но уж так, до преступления законности, разве можно? Что же вы их так, гражданин голубчик…

Тут Юренев затрясся, сморщился, заплакал от смеха, стал вытирать глаза платком-тряпицей, и сквозь платок уже до Рубина донеслось:

– Голубчик – это фамилия его, Исаак Семёнович Голубчик, только записан русским, а следователь поёт ему, разливается: за что же вы их так не любите, что ущемляете их достоинство? Я и сам, признаться… не могу.

– Знаете, много мы смеялись на зоне, – разом остыв, спокойно сказал Юренев. – Изумлялись многому Свихнувшееся все бытие наше было. До сих пор ещё дивные истории мне от гостей перепадают. Вот про то же самое ОСО возьмите. Проезжий мне один рассказывал, из университета вашего в Москве. И достоверность полная, вот ведь в чем кошмар, простите мне нагнетание атмосферы.

И Юренев замолк, снова мимо Рубина глядя куда-то остановившимися и померкшими глазами. Да он ещё и устал, вдруг догадался Рубин, лучше завтра зайти, бессовестно это долгое сидение у старика.

– Нет, я не устал, – сказал Юренев, словно услышав. – Сейчас вам расскажу. Отчего-то покрасочней изложить захотелось, вас порадовать. Вот послушайте ещё про Русь-тройку. А как Брюсов советовал под неё кидаться, помните? А Блок? С присущим ему изяществом – тоже ведь не против был и других звал совместно. А она взяла и взбесилась. Не ожидали они, конечно. Впрочем, я-то вам про пятьдесят шестой расскажу, когда остановились и стали раны считать.

Рубин тогда же записал эту историю в блокнот – как только вышел со двора медресе, на скамье возле какого-то дома, и по записи все восстанавливалось легко. Но про Бруни не было пока ничего. Был, значит, второй блокнот, надо ещё искать. А пока – история из первого.

В пятьдесят шестом это было: молодым юристам поручили дела по реабилитации сидевших и погибших. Душа от поручения такого поет и играет, и, наткнувшись в одной из первых же папок на чистейшую туфту, они решили долгого почтового пути не ждать, а позвонить вдове расстрелянного учёного. В папке был протокол допроса в одну страницу – признавался человек, что диверсант, вредитель и шпион сразу четырёх держав, и сопутствующие бумаги: постановление о расстреле и расписка, что приговор привёден в исполнение. Адрес погибшего был в ордере на арест (с пометкой об исполнении в тот же день), а телефон они узнали без труда. Было часов двенадцать дня, трубку взяла женщина, которая была как раз той самой, судя по фамилии, вдовой.

– Вам скоро придёт по почте справка о полной реабилитации вашего мужа, – сказал торжественно и сочувственно один из парней, – а мы спешим сказать вам, что ваш муж ни в чем не был повинен.

– А в чём его обвиняли? – голос женщины сделался тревожен.

– В шпионаже, диверсии, в чём только не обвиняли, а всё вранье, – сказал юный доброжелатель.

– Это когда? – недоумённо и испуганно спросила женщина, – Я что-то не понимаю вас. Когда его обвиняли?

– Как когда? – растерялся начинающий деятель прокуратуры. – Тогда ещё, в те годы, в тридцать восьмом.

– Он мне ничего не говорил, – сказала женщина.

– Так и не мог он вам сказать, – объяснили ей терпеливо. – Как же он мог? Уже не мог, к несчастью.

– Почему к несчастью? – опять взволнованно спросила женщина.

– Так ведь нет вашего мужа, правда? – осторожно спросил парень, а приятелям пальцем возле виска досадливо покрутил: нарвались, мол, сумасшедшей баба оказалась.

– Нету, – подтвердила женщина. – Он часа только в три обедать приезжает. Иногда чуть позже. Не пойму я что-то вас, не трудно после трёх перезвонить? Если это не какая-нибудь плоская шутка, разумеется.

В три часа эти парни уже были, естественно, по известному адресу. Женщина скорей удивлена была, чем испугана, а муж её, только что вернувшийся из университета, сразу все сообразил и чрезвычайно разволновался. И причину радостно объяснил.

– Это сегодняшнее моё счастье, ребята. Вы сейчас поймёте. У нас тогда за года полтора почти всю кафедру забрали, и никто не вернулся. А меня одного тогда не взяли. Если бы вы знали, сколько я пережил! И не страха, уже не было потом страха, – бессильного унижения сколько я пережил. Все ведь именно меня подозревали, что стукач и губитель. Со мной общались так, что и собаке не пожелаю, хотя по виду вежливо и безупречно. Нельзя ли мне эти бумаги хоть на час в университет свозить? А вам надо не мной заниматься, а тем следователем, если разрешат.

Время было смутное, разрешили. Картина очень простая выяснилась и страшная – для тех лет обыденная, вероятно. Следователь то ли торопился выполнить свой план, то ли к концу недели выигрывал время отдохнуть. Дела на восьмерых людей из разных мест и учреждений оформил он за один день. Все протоколы написал, клочки бумажки с приговором ОСО приложил, – значит, были у него уже подписанные тройкой бланки, он только фамилии проставил, тут же справки об исполнении приговоров подколол. Оставалось к ночи дело за малым и будничным: привезти этих людей и расстрелять. То ли была занята оперативная машина, тоже работавшая с перегрузкой, то ли он это на утро отложил, чтобы успеть поспать, жаль было остаток ночи тратить на обрыдлую суету, – но только лег он прямо в кабинете и уснул. А утром его забрали самого. И уже днем он был расстрелян или брошен в лагерь как пособник, перегибщик и объективный враг. Да ещё наверняка и били его, выколачивая признание, что применял недозволенные физические методы (случаи такие были известны, в лагерях рассказывали уцелевшие чекисты). А преемник по кабинету принял эти дела как законченные – в них все нужные бумаги уже лежали. Так что восемь счастливцев числились в архивах истреблёнными – и благополучно жили где-то.

На истории этой, ошеломительной, но по-безумному достоверной, Юренев встал и церемонно попрощался. А на просьбу завтра повидаться – ответил уклончиво и суховато, что если живы будем, то с несомненным удовольствием. И Рубин вылетел, торопясь, покуда все не позабыл.

Утром Юренев встретил Рубина как старого друга. Радостно усадил, долго и улыбчиво смотрел на него, потом поставил чайник и сказал:

– Знаете, а вы когда-нибудь, Бог даст, хорошую книжку напишете, если не скурвитесь и не зачерствеете. Есть в вас тайной свободы остатки, ещё той, помните, конечно?

И почему-то полузапел:

Пушкин, тайную свободу

Пели мы вослед тебе.

Рубин сперва продолжил вежливо, заканчивая строфу, но потом громко рассмеялся.

– Вы о чем? – спросил Юренев, монументально усаживаясь.

– Жены своей слова вспомнил, простите за хвастовство, – объяснил Рубин. – Ты, она сказала мне, Илюша, каким-то образом получился свободным человеком, отчего в наше время часто выглядишь то прямым дураком, то неловким провокатором.

– Умница у вас жена, – со вкусом сказал Юренев. – Очень точно по-женски схвачено. Я ведь, извините великодушно, тоже вчера мельком нечто в этом роде подумал. Я, кстати, подарочек вам один приготовил, довесок ко вчерашнему разговору в памяти выискался. Мне приятель один рассказывал, это на Ухте было в тридцать пятом, кажется, то есть довольно рано. Зону они сами себе строили, не центральный был лагерь. Жили в землянках, естественно. И свечи из бересты. А от бересты – чад несусветный. Нормальная первобытная жизнь. И крутился там один сукин сын. По фамилии, естественно, Гордон, отчего я это вам и приготовил.

Рубин усмехнулся как можно невозмутимей.

– Этот Гордон специальный был оратор-пропагандист, его для того и возили с зоны на зону. Как только этап на место приходил, он им такую речь закатывал: дескать, вы сюда прибыли вовсе не для наказания и гибели, родина вас любит и жалеет по-прежнему, родина ещё надеется на вас. Вы сюда прибыли для проверки вашего идейного разоружения и готовности послужить отечеству, желающему вас принять обратно в качестве полноценных граждан. И работа каждого из вас – это пропуск обратно в нашу замечательную жизнь. Так что докажите трудом вашу непоколебимую сознательность и отсутствие за пазухой камня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.